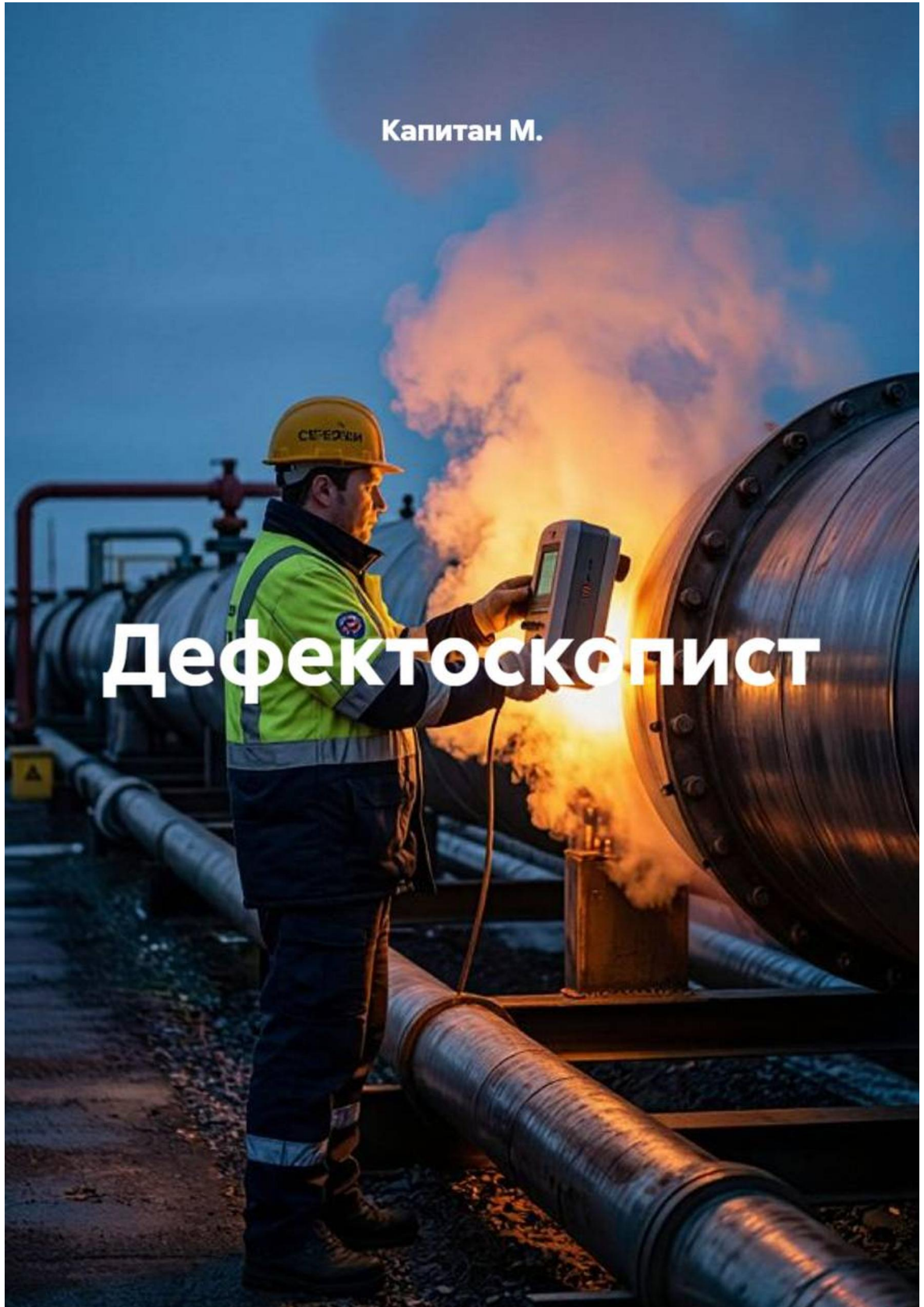

Капитан М.

Дефектоскопист

Капитан М.
Дефектоскопист

«Автор»

2026

М. К.

Дефектоскопист / К. М. — «Автор», 2026

Инженер-дефектоскопист Андрей Ковалёв, работающий вахтой на северном нефтепроводе, сталкивается с захватом вахтового посёлка вооружёнными эко-террористами из организации «Щит Земля». Не имея оружия и боевой подготовки, он использует доскональное знание трубопроводной системы — паровые завесы, гидроудары, ультразвуковой дефектоскоп — чтобы противостоять террористам, освободить заложников и остановить станцию. Но победа оказывается лишь началом: сеть заговорщиков шире, и Андрею предстоит новое столкновение — на этот раз в Новосибирске.

© М. К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Северный рубеж	5
Глава 2. Точка кипения	12
Глава 3. В тени труб	21
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Капитан М. Дефектоскопист

Глава 1. Северный рубеж

Мороз крепчал. С каждым часом столбик термометра опускался всё ниже, и воздух становился таким густым и жгучим, что, казалось, его можно было резать ножом, как застывший желатин. Андрей Сергеевич Ковалёв, инженер по неразрушающему контролю третьей категории, стоял на площадке обслуживания, прижавшись спиной к тёплой, гудящей металлической стене насосного агрегата, и смотрел на бесконечную белую равнину, расстилавшуюся до самого горизонта. Где-то там, за пеленой низкой облачности, скрывалось Карское море, но сейчас о его существовании напоминал лишь пронизывающий ветер, который тянул с северо-запада, неся с собой колючую снежную крупу.

— Ковалёв! Ты там уснул, что ли? — раздался в наушнике голос диспетчера. — Заканчивай с седьмым, у тебя ещё три узла на сегодня.

Андрей вздрогнул, словно его застали за чем-то запретным, и перевёл взгляд на прибор, лежавший в специальном утеплённом чехле на его груди. Ультразвуковой дефектоскоп, его верный спутник последние двенадцать лет, показывал ровный зелёный сигнал. Шов был чист. Ещё один день, ещё одна смена, ещё несколько сотен метров трубопровода, проверенных вдоль и поперёк.

— Принял, — коротко ответил он, привычным движением поправляя шерстяной подшлемник, закрывавший нижнюю часть лица. — Заканчиваю седьмой, перехожу на восьмой.

Он оттолкнулся от тёплой стены и зашагал по узкому трапу, перекинутому через технологическую эстакаду. Под ногами скрипел утрамбованный снег, металлические ступени отзывались глухим гулом. Внизу, в пяти метрах под ним, змеились трубы — толстые, покрытые слоем изоляции, они уходили в сторону центрального коллектора, где смешивались потоки из разных скважин, чтобы потом, уже единым потоком, двинуться на юг, к большой земле, к нефтеперегонной станции, к цивилизации.

Андрей знал этот лабиринт наизусть. Каждый клапан, каждый фланец, каждый сварной шов на этом участке был ему знаком, как собственные пять пальцев. Он мог с закрытыми глазами нарисовать схему трубопроводов от первого куста до последнего узла, мог назвать давление в любой точке системы, знал, где металл устал и требует замены, а где ещё послужит годы. Это знание было его проклятием и его спасением. Проклятием — потому что оно не отпускало его даже во сне, спасением — потому что именно оно давало ему работу, давало деньги, давало возможность жить.

Вахта тянулась уже сорок второй день. Из положенных шестидесяти оставалось восемнадцать. Андрей считал дни машинально, как считал бы их любой человек, оторванный от дома, от тепла, от нормальной жизни. Он не был романтиком Севера, не был искателем приключений. Он был инженером, и работа на этом месторождении была для него не подвигом, а способом заработать. Здесь платили хорошо. Очень хорошо. Достаточно, чтобы через год-два закрыть ипотеку в Новосибирске, где ждали жена и дочь. Достаточно, чтобы забыть о том, что где-то там, за тысячами километров, есть мир, где люди гуляют по паркам, пьют кофе в кафе и не видят бесконечной белой пустыни.

— Андрей Сергеевич, — снова ожил наушник, на этот раз голос принадлежал его напарнику, молодому парню по фамилии Шестаков, которого все звали просто Шест. — Ты глянь, что творится. Термометр на улице показывает минус сорок два. И ветер усиливается.

— Вижу, — отозвался Андрей. — Ты закончил с обходом?

— Так точно. Второй и третий кусты проверил, всё в норме. Давление в коллекторе стабильное, температура потока соответствует регламенту.

— Хорошо. Возвращайся в бытовку, я закончу здесь и тоже приду. Сегодня ещё нужно оформить отчёт за неделю.

Шест что-то ответил, но его голос потонул в треске помех. Андрей не стал переспрашивать. Связь на Севере — вещь ненадёжная, как и многое другое в этих краях. Он переключил дефектоскоп в режим записи, приложил датчик к очередному шву и замер, наблюдая за показаниями прибора. Зелёная линия бежала по экрану ровно, без всплесков, без аномалий. Металл был здоров. Металл был чист. Металл выдержит ещё один день, ещё одну смену, ещё одну зиму.

Мысли Андрея текли вяло, как нефть в трубопроводе при низкой температуре. Он думал о том, что завтра нужно будет проверить участок, который он отложил на прошлой неделе — там были подозрительные показания на одном из продольных швов. Думал о том, что после вахты нужно будет зайти к стоматологу — зуб, который начал ныть ещё в начале смены, не переставал беспокоить. Думал о том, что дочь, наверное, уже спит, и что он снова не позвонил ей перед сном, потому что здесь, на Севере, разница во времени превращала нормальное общение в сложный логистический квест.

Он не думал о том, что в этот самый момент, в трёх километрах от него, в вахтовом посёлке, где он жил последние полтора месяца, происходило нечто, что в корне изменит его жизнь. Не думал о том, что привычный мир, состоящий из труб, датчиков и графиков, рухнет в одночасье. Не думал о том, что через каких-нибудь двадцать минут ему придётся вспомнить всё, чему его учили, и применить это знание так, как он никогда не предполагал.

Он просто работал.

Закончив с восьмым узлом, Андрей собрал оборудование и направился к выходу с технологической площадки. Путь до вахтового посёлка занимал около пятнадцати минут пешком — если идти быстрым шагом и не обращать внимания на ветер, который, казалось, норовил сбить с ног. Андрей шёл вдоль трубопровода, освещая себе дорогу фонарём, закреплённым на каске. Луч света выхватывал из темноты белые вихри снега, металлические опоры эстакады, редкие указатели с номерами скважин. Вокруг не было ни души. Только он, ветер и бесконечная белая мгла.

Вахтовый посёлок появился впереди неожиданно, как всегда. Сначала — слабое свечение в темноте, потом — силуэты модульных зданий, потом — яркие пятна прожекторов, заливавших центральную площадку холодным белым светом. Андрей ускорил шаг, предвкушая горячий чай и возможность снять с себя тяжёлый утеплённый комбинезон, который за смену становился словно вторым кожей.

Но что-то было не так.

Он понял это ещё на подходе, метров за двести до первого модуля. Слишком тихо. Обычно в это время — около девяти вечера по местному — в посёлке кипела жизнь: кто-то возвращался со смены, кто-то, наоборот, готовился заступить на ночное дежурство, в столовой гремели подносы, в курилке у входа в административный модуль толпились люди. Сейчас же посёлок словно вымер. Прожекторы горели, но между зданиями не было видно ни одного человека.

Андрей остановился, прислушиваясь. Ветер швырнул в лицо пригоршню снега, и он невольно зажмурился. Когда он снова открыл глаза, то заметил то, что заставило его сердце пропустить удар.

Ворота посёлка, обычно открытые настежь, были закрыты. И у ворот стояли двое. Они были одеты не в стандартные вахтовые куртки оранжевого цвета, которые носили все работники месторождения, а в тёмную, почти чёрную одежду. На головах — шапки-маски, скрывающие лица. В руках — что-то длинное, тёмное. Автоматы.

Андрей инстинктивно отшатнулся, шагнув за ближайшую опору трубопровода. Сердце колотилось где-то в горле, дыхание перехватило. Он прижался спиной к холодному металлу и попытался унять дрожь в руках. Мысли путались, отказываясь складываться в логическую цепочку. Кто эти люди? Что они делают здесь? Где все остальные?

Он осторожно выглянул из-за опоры. Один из охранников — или кто они там были — повернулся, и Андрей увидел на его плече нашивку. Что-то знакомое, что-то, что он видел в новостях. Зелёный лист на чёрном фоне. Эмблема радикальной экологической организации, которая последние несколько лет гремела в прессе, устраивая акции против нефтяных компаний. «Щит Земли» — кажется, так они назывались. Андрей никогда не интересовался политикой, но даже до него доходили слухи об этих фанатиках, которые считали, что нефтяная индустрия — главное зло современности, и что любые методы борьбы с ней оправданы.

Теперь эти фанатики стояли у ворот его вахтового посёлка. С автоматами. И это не предвещало ничего хорошего.

Андрей отступил ещё на шаг, пытаясь оценить ситуацию. Он не был бойцом. Никогда не служил в армии, не проходил никаких курсов самообороны, не умел драться. Всё, что у него было — это знание трубопровода, которое сейчас казалось бесполезным. Что он мог сделать против вооружённых людей? Ничего. Абсолютно ничего.

Но где-то там, внутри посёлка, были его товарищи. Шест, который вернулся с обхода полчаса назад. Диспетчер, который только что разговаривал с ним по связи. Повариха тётя Зина, которая всегда улыбалась и подкладывала ему добавку. Начальник участка, который, несмотря на свою ворчливость, был справедливым мужиком. Все они были там, за этими воротами, и Андрей не знал, что с ними происходит.

Он вытащил из кармана рацию — маленькую, закреплённую на поясе, — и попытался связаться с диспетчерской. Тишина. Только шорох помех. Он попробовал другой канал, третий, четвёртый — результат был тем же. Связь была мертва. Либо её глушили, либо диспетчерская уже была захвачена.

Андрей прислонился затылком к металлической опоре и закрыл глаза. Паника поднималась из глубины живота, холодной волной захлёстывая грудь, горло, голову. Он не знал, что делать. Он никогда не готовился к такому. В его мире не было места террористам, захватам, автоматам. В его мире были швы, датчики, графики и давление в трубах.

Давление в трубах.

Эта мысль вспыхнула в голове неожиданно, как искра от сварки. Давление. Трубы. Схема, которую он знал наизусть. Он знал, где проходит каждая магистраль, знал, какие узлы можно перекрыть, знал, где находятся аварийные клапаны сброса. Он знал, как работает эта система, потому что изучал её двенадцать лет. И, что важнее, он знал её слабые места.

Андрей открыл глаза. Паника всё ещё клокотала внутри, но теперь к ней примешивалось что-то другое. Холодный расчёт. Он не был бойцом, но он был инженером. И это означало, что он видел мир не как поле боя, а как сложную систему, где каждое действие имеет последствия, где каждое движение подчиняется законам физики. Террористы, кем бы они ни были, не знали эту систему так, как знал её он. Для них трубы были просто трубами. Для Андрея — это был инструмент.

Он снова выглянул из-за опоры. Охранники у ворот не двигались. Они стояли на своих местах, переминаясь с ноги на ногу, и, судя по позам, не ожидали никаких сюрпризов. Они контролировали вход, но не контролировали территорию вокруг посёлка. И это была их ошибка. Потому что трубопровод подходил к посёлку не только с главного входа. Он подходил со всех сторон.

Андрей осторожно, стараясь не производить ни звука, двинулся вдоль эстакады. Он знал, что через двести метров будет поворот к вспомогательному узлу — небольшой площадке, где располагались задвижки и манометры. Оттуда можно было попасть на территорию посёлка,

минуя ворота. Там был технический лаз, который обычно использовали только ремонтники. Террористы, скорее всего, о нём не знали.

Ветер усилился, и это было на руку. Шум ветра заглушал шаги. Снег заметал следы. Андрей двигался медленно, пригибаясь, используя каждую опору как укрытие. Дыхание вырывалось облачками пара, которые тут же уносило в темноту. Он старался дышать глубоко и ровно, чтобы унять дрожь в руках. Ему нужно было думать. Думать как инженер.

Вспомогательный узел появился впереди — тёмный силуэт на фоне белой мглы. Андрей подошёл к нему и присел на корточки, осматриваясь. Никого. Он протянул руку и нащупал знакомый рычаг задвижки. Металл был холодным, как лёд, но это не имело значения. Главное — он был здесь, и он работал.

Андрей выпрямился и посмотрел в сторону посёлка. Отсюда, с этой точки, он видел его целиком: модульные здания, столовая, административный корпус, жилые блоки. И он видел людей. Несколько человек в тёмной одежде патрулировали территорию. Они двигались парами, медленно, уверенно. Профессионалы. Или, по крайней мере, люди, которые знали, что делают.

И тогда Андрей понял, что просто пробраться в посёлок — это только половина задачи. Ему нужно было понять, что происходит внутри. Сколько террористов? Где они держат заложников? Что они планируют? И главное — как их остановить, не имея оружия, не имея подготовки, не имея ничего, кроме знания этой проклятой и благословенной системы трубопроводов.

Он присел у задвижки и задумался. В голове одна за другой проносились схемы, цифры, формулы. Давление в магистрали. Температура потока. Расход. Скорость. Он знал эти параметры так же хорошо, как собственное имя. И он знал, что можно сделать с этой системой, если знать, где нажать.

Первое, что приходило на ум — это пар. Острый пар, который использовался для подогрева нефти в зимних условиях. Если открыть аварийный клапан на участке, который проходил рядом с посёлком, можно создать завесу из горячего пара. Пар был не только горячим, но и плотным, он заполнял пространство, дезориентировал, скрывал движение. В условиях северной ночи и минусовой температуры пар превращался в густой туман, который не рассеивался, а, наоборот, сгущался, создавая почти непроницаемую стену.

Второе — это гидроудар. Резкое изменение давления в трубе могло вызвать волну, которая распространялась по системе со скоростью звука. Если правильно рассчитать момент и место, можно было создать ударную волну, которая выведет из строя оборудование. Не взрыв, не разрушение — просто резкий скачок давления, который заставит сработать предохранительные клапаны, отключит насосы, создаст хаос. А хаос был нужен Андрею больше всего.

Третье — это его дефектоскоп. Ультразвуковой прибор, который он носил с собой. Он был предназначен для поиска дефектов в металле, но у него был ещё один режим — режим генерации. Андрей использовал его редко, только для калибровки, но он знал, что ультразвук определённой частоты может создавать помехи для электроники. Не для всей — только для незащищённых устройств. Рации, детонаторы, системы связи — всё это могло выйти из строя, если направить на них достаточно мощный ультразвуковой импульс.

Андрей улыбнулся — впервые за этот вечер. Улыбка получилась кривой, больше похожей на оскал, но это было неважно. Он понял, что у него есть шанс. Не гарантия, не уверенность — просто шанс. И этого было достаточно.

Он поднялся и ещё раз посмотрел на посёлок. Где-то там, внутри, были люди, которые нуждались в помощи. И он был единственным, кто мог её оказать. Не потому, что он был героем. Не потому, что он был смелым. А потому, что он был здесь, и потому, что он знал то, чего не знали они.

— Ладно, — прошептал Андрей, обращаясь скорее к себе, чем к ветру. — Начнём с пара.

Он повернулся к задвижке и положил руку на рычаг. Металл обжёг холодом даже через перчатку, но Андрей не отдёрнул руку. Он нажал. Задвижка поддалась с тихим скрипом, и где-то в глубине трубопровода, в темноте, началось движение. Пар, скопившийся в системе, ринулся вперёд, заполняя трубы, набирая давление. Андрей знал, что через минуту-две он вырвется наружу через аварийный клапан, который находился в тридцати метрах от посёлка. И тогда всё начнётся.

Он отошёл от задвижки и направился к техническому лазу, который вёл на территорию посёлка. В голове уже складывался план. Сначала — пар, чтобы создать хаос и скрыть его передвижение. Потом — гидроудар, чтобы вывести из строя оборудование и посеять панику. Потом — ультразвук, чтобы отключить связь и детонаторы. И тогда, если повезёт, он сможет добраться до заложников и вывести их из посёлка.

Это был безумный план. Самоубийственный. Но другого у него не было.

Андрей подошёл к техническому лазу — узкой щели между двумя модулями, заваленной снегом. Он разгрёб снег руками, обнажив металлическую крышку люка. Крышка была тяжёлой, но он знал, как её открыть. Рычаг, на который нужно нажать, находился справа, у самого края. Андрей надавил, и крышка со скрежетом поддалась.

Внизу была темнота. Пахло сыростью и машинным маслом. Андрей включил фонарь на каске и осветил вниз. Узкий коридор, ведущий под зданиями посёлка. Технический туннель, который использовался для прокладки коммуникаций. Он знал, что отсюда можно попасть в подвал административного корпуса, а оттуда — в само здание.

Он опустился на колени и полез вниз. Металлическая лестница была скользкой от инея, но Андрей держался крепко. Спустившись на пару метров, он оказался в узком бетонном коридоре. Здесь было темно, хоть глаз выколи, и тихо, как в могиле. Только где-то вдалеке капала вода.

Андрей выпрямился и прислушался. Где-то наверху, на поверхности, начался шум. Пар вырвался из аварийного клапана с оглушительным шипением, заполняя пространство между зданиями. Крики, топот ног, ругань — всё это доносилось до него приглушённо, как сквозь вату. Террористы заметили пар. Они не понимали, что происходит, но они реагировали. И это было хорошо. Это означало, что они не контролируют ситуацию.

Андрей двинулся вперёд по коридору, стараясь не шуметь. Он знал, что через пятьдесят метров будет поворот, а за ним — дверь в подвал административного корпуса. Там, за этой дверью, начиналась территория посёлка. И там его ждали.

Он шёл медленно, считая шаги. Раз, два, три... В голове всё ещё звучал голос диспетчера, который несколько часов назад сказал ему: «Заканчивай с седьмым, у тебя ещё три узла на сегодня». Тогда это был обычный рабочий день. Тогда он ещё не знал, что ему придётся стать не инженером, а солдатом. Тогда он ещё не знал, что его знание трубопровода — это не просто работа, а оружие.

Двадцать шагов. Тридцать. Сорок. Поворот. Андрей остановился перед дверью. Она была металлической, с тяжёлым запором. Он потянул за ручку, и дверь открылась с тихим скрипом. За ней был подвал — большое помещение с низким потолком, заставленное ящиками и какими-то механизмами. Тусклый свет аварийной лампы освещал бетонные стены.

Андрей вошёл в подвал и закрыл за собой дверь. Здесь было теплее, чем на улице, но всё равно холодно. Он прислушался. Сверху доносились голоса. Кто-то ходил по первому этажу. Кто-то разговаривал. Слов было не разобрать, но интонации были резкими, командными. Это были террористы.

Андрей подошёл к лестнице, которая вела наверх, и замер. Ему нужно было понять, сколько их там и где они находятся. Он закрыл глаза и сосредоточился на звуках. Шаги. Два человека. Нет, три. Один стоит у входа в кабинет начальника участка. Двое других ходят по коридору. Периодически останавливаются, переговариваются.

Он открыл глаза и посмотрел на свой дефектоскоп. Прибор всё ещё был в чехле на груди, тёплый от его тела. Андрей расстегнул чехол и вытащил прибор. Он был похож на большой смартфон с датчиком на проводе. Андрей включил его и переключил в режим генерации. На экране появилась шкала частоты. Он выставил максимальное значение — тридцать килогерц — и направил прибор в сторону лестницы.

Ультразвук был невидим, но он был. Волна распространялась по воздуху, проникая сквозь стены, отражаясь от поверхностей. Андрей знал, что на таком расстоянии мощность была небольшой, но её должно было хватить, чтобы создать помехи для электроники. Он нажал кнопку и держал её три секунды.

Сверху раздался треск. Потом — ругань. Потом — ещё один треск. Кто-то из террористов выругался громче и что-то уронил. Андрей улыбнулся. Ультразвук работал. Их рации, их детекторы, их электронные замки — всё это было уязвимо. И он мог использовать это.

Он спрятал дефектоскоп обратно в чехол и двинулся вверх по лестнице. Теперь ему нужно было действовать быстро. Пока они дезориентированы, пока они не поняли, что происходит. Он поднялся на первый этаж и оказался в коридоре административного корпуса. Здесь было светло — горели лампы дневного света. И здесь были люди.

Двое террористов стояли у стены, пытаясь настроить рации. Они были в чёрной одежде, с автоматами на плечах. Третий — тот, что стоял у кабинета начальника — смотрел на них с недоумением.

Андрей не стал ждать. Он действовал на инстинкте, на том самом инстинкте, который двенадцать лет оттачивал в себе, проверяя швы на прочность. Он подошёл к ближайшему террористу и, не говоря ни слова, ударил его дефектоскопом по голове. Прибор был тяжёлым, металлическим. Удар получился глухим, но эффективным. Террорист рухнул на пол, не успев даже вскрикнуть.

Второй обернулся, но Андрей уже был рядом. Он схватил его за воротник и толкнул на стену. Террорист ударился головой о бетон и сполз на пол, оставляя за собой кровавый след. Автомат упал на пол с грохотом, но Андрей не стал его подбирать. Он не умел обращаться с оружием. Он умел обращаться с трубами.

Третий террорист, тот, что стоял у кабинета, наконец, отреагировал. Он выхватил пистолет и направил его на Андрея.

— Стоять! — крикнул он. — Руки!

Андрей замер. Пистолет смотрел ему прямо в грудь. Паника снова поднялась внутри, но он подавил её. Он не мог позволить себе бояться. Не сейчас.

— Ты кто такой? — спросил террорист. — Откуда ты взялся?

Андрей молчал. Он смотрел на пистолет и думал о том, что смерть — это, оказывается, очень просто. Достаточно одного движения пальца. Одного грамма давления. И всё.

Но террорист не выстрелил. Он колебался. И в этом колебании Андрей увидел свой шанс.

— Я инженер, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я знаю эту станцию. Знаю, как её остановить. И если ты меня убьёшь, ты никогда не узнаешь, как это сделать.

Террорист прищурился. Пистолет в его руке дрогнул.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что вы не сможете взорвать станцию, — сказал Андрей. — Не потому, что я вам помешаю. А потому, что вы не знаете, как это сделать. Вы не знаете, где находятся аварийные клапаны. Не знаете, какое давление выдержит труба. Не знаете, как отключить автоматику. Я знаю. И я могу вам помочь.

Это была ложь. Наглая, отчаянная ложь. Но она сработала. Террорист опустил пистолет.

— Говори, — сказал он. — Что ты знаешь?

Андрей сделал шаг вперёд. Потом ещё один. Он смотрел террористу в глаза и думал о том, что через минуту всё изменится. Через минуту он либо умрёт, либо станет тем, кем никогда не думал стать.

— Я знаю, — сказал он тихо, — что вы стоите на трубе. И что я могу открыть вентиль в любой момент.

Глава 2. Точка кипения

Пистолет смотрел Андрею в грудь, и это было неприятное ощущение. Не столько страх, сколько какая-то неправильность происходящего, словно в отлаженный механизм кто-то засунул чужую деталь. Андрей смотрел на тёмное дуло и думал о том, что за двенадцать лет работы он видел металл в самых разных состояниях — раскалённый, застывший, усталый, треснувший. Но никогда он не видел металл, который был бы направлен на него с намерением убить.

Террорист, стоявший перед ним, был молод. Лет двадцать пять, не больше. Худое лицо, острые скулы, светлые волосы, выбившиеся из-под шапки. Глаза у него были серые и холодные, как северное небо в декабре. И в этих глазах не было ни злости, ни ненависти. Только расчёт. Только спокойная, почти механическая уверенность в том, что он делает.

— Ты сказал, что знаешь станцию, — произнёс молодой человек, не опуская пистолет. — Докажи.

Андрей сглотнул. Во рту пересохло, язык казался шершавым, как наждак. Он чувствовал, как по спине стекает капля пота, и это было странно — на улице минус сорок два, а ему жарко. Он понимал, что сейчас решится всё. Одно неверное слово, одно лишнее движение — и он останется лежать здесь, в этом коридоре, на бетонном полу, рядом с двумя телами, которые он только что свалил.

— Насосная станция второго подъёма, — сказал Андрей, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Она находится в семистах метрах к югу отсюда. Там стоят четыре агрегата марки двести пятьдесят на сто двадцать пять. Три рабочих, один резервный. Давление на выходе — четыре и две десятых мегапаскаля. Температура потока — плюс пятнадцать градусов по Цельсию. Расход — восемьсот кубических метров в час.

Он говорил быстро, но чётко, как на экзамене. Молодой человек слушал, и в его глазах что-то менялось. Он не понимал всех цифр, но он понимал, что этот человек перед ним — не просто вахтовик, случайно оказавшийся в ненужном месте. Этот человек знал систему.

— Продолжай, — сказал террорист.

— Труба, которая идёт от станции на юг, имеет диаметр тысяча двести двадцать миллиметров. Толщина стенки — шестнадцать миллиметров. Рабочее давление — пять и четыре десятых мегапаскаля, но фактически система работает на четырём с половиной, потому что есть запас. Если вы хотите взорвать станцию, вам нужно знать, где именно ставить заряды. Если поставить их не там, вы просто порвёте трубу, и нефть выльется в снег. Никакого взрыва не будет. Будет просто большая лужа.

Молодой человек опустил пистолет. Медленно, словно нехотя. Он посмотрел на Андрея с новым выражением — не то чтобы с уважением, но с чем-то похожим на интерес.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Я инженер по неразрушающему контролю, — ответил Андрей. — Я проверяю эти трубы на прочность. Я знаю каждый шов на этом участке. Я знаю, где металл устал, а где ещё держит. Я знаю, где можно создать избыточное давление, а где труба лопнет от первого же скачка.

Он сделал паузу и добавил, стараясь, чтобы это прозвучало как можно более равнодушно:

— И я знаю, как остановить систему. Если вы собираетесь взорвать станцию, вам нужно сначала остановить поток. Иначе взрыв будет не взрывом, а хлопком. А это уже не то, за чем вы сюда приехали.

Террорист молчал. Он смотрел на Андрея долгим, изучающим взглядом, и Андрей чувствовал, как этот взгляд проникает под кожу, ощупывает его изнутри, ищет слабые места, ложь, фальшь. Он не знал, что именно ищет этот человек, но он понимал, что играет с огнём. Одна ошибка — и всё закончится.

— Тебя как зовут? — спросил молодой человек.

— Андрей.

— А меня — Кирилл. — Он убрал пистолет в кобуру на поясе и сделал шаг вперёд. — Ты понимаешь, что я могу тебя убить прямо сейчас?

— Понимаю, — ответил Андрей.

— И ты понимаешь, что я это сделаю, если ты попытаешься меня обмануть?

— Понимаю.

— Хорошо. — Кирилл кивнул. — Тогда пойдём. С тобой хочет поговорить старший.

Он развернулся и зашагал по коридору, не оглядываясь. Андрей hesitated на секунду, потом пошёл следом. Он не знал, что его ждёт впереди, но он знал одно: пока он полезен, он жив. Это была простая арифметика, которую он усвоил за двенадцать лет работы на Севере. Пока от тебя есть польза — ты нужен. Как только польза заканчивается — тебя списывают.

Коридор административного корпуса был длинным и узким. По обе стороны — двери кабинетов, на стенах — плакаты с техникой безопасности, на полу — линолеум, вытертый до белизны. Андрей шёл по этому коридору тысячу раз, но сейчас он видел его другими глазами. Он видел трещины в стенах, которые раньше не замечал. Видел лампы, которые мигали, словно предупреждая о чём-то. Видел тени, которые двигались по стенам, хотя никакого движения не было.

Они прошли мимо кабинета начальника участка. Дверь была открыта, и Андрей мельком увидел внутри людей в чёрной одежде. Они сидели за столом, склонившись над картой, и что-то обсуждали. Их голоса были приглушёнными, но интонации — резкими. Спор. Значит, у них не всё идёт по плану. Это было хорошо. Это было очень хорошо.

— Не задерживайся, — бросил Кирилл через плечо, и Андрей ускорил шаг.

Они вышли в холл первого этажа. Здесь былолюдно. Несколько террористов стояли у выхода, двое сидели на диване у стены, один — молодой парень с длинными волосами, стянутыми в хвост — что-то печатал на ноутбуке. Ноутбук был подключён к переносному генератору, и Андрей отметил это автоматически, как инженер. Электроника. Значит, ультразвук может сработать.

В центре холла стоял большой стол, за которым обычно обедали вахтовики в ожидании автобуса. Сейчас стол был завален бумагами, схемами и какими-то приборами. Над столом склонился человек. Он был старше остальных — лет сорока пяти, с седыми висками и тяжёлым, волевым лицом. Он был одет в ту же чёрную одежду, что и остальные, но держался иначе. Спокойнее. Увереннее. Так держатся люди, которые привыкли командовать.

— Родион, — позвал Кирилл. — Привёл.

Человек за столом выпрямился и обернулся. У него были серые глаза, тяжёлый подбородок и глубокие морщины на лбу. Он посмотрел на Андрея долгим, внимательным взглядом, и Андрей почувствовал, как под этим взглядом становится неудобно. Это был не тот взгляд, что у Кирилла. Кирилл смотрел на него как на инструмент, который можно использовать. Родион смотрел на него как на проблему, которую нужно решить.

— Инженер, значит, — произнёс Родион. Голос у него был низкий, с хрипотцой. — Как тебя зовут?

— Андрей Ковалёв.

— Ты знаешь, что здесь происходит?

— Догадываюсь.

— Не догадывайся. Говори точно.

Андрей сглотнул. В горле снова пересохло. Он чувствовал, как по спине снова потекла струйка пота. Этот человек не был похож на фанатика. Он был похож на профессионала. А с профессионалами было сложнее. Фанатику можно было солгать — он поверит в то, во что хочет верить. Профессионал проверяет.

— Вы захватили вахтовый посёлок, — сказал Андрей, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Вы удерживаете людей в столовой. Вы собираетесь взорвать нефтеперегонную станцию.

Родион кивнул. Это был не жест одобрения, а скорее констатация факта. Он не удивился, не насторожился. Он просто принял информацию к сведению.

— Верно, — сказал он. — И ты хочешь мне сказать, что можешь помочь.

— Не помочь, — поправил Андрей. — Я хочу сказать, что без меня вы не сможете сделать это правильно.

Родион усмехнулся. Усмешка получилась холодной, как северный ветер.

— Смелый. — Он обошёл стол и подошёл к Андрею вплотную. — Смелость — это хорошо. Но смелость без мозгов — это глупость. Ты понимаешь, что я могу тебя убить?

— Мне уже это говорили, — ответил Андрей. — И я уже ответил, что понимаю.

— Тогда объясни мне, почему я должен тебя слушать. Почему я должен верить, что ты не пытаешься меня обмануть?

Андрей сделал глубокий вдох. Он понимал, что сейчас решается всё. Если он скажет что-то не то, если он хоть на мгновение покажет слабость, Родион это заметит. Этот человек был как дефектоскоп — он видел трещины там, где обычный глаз их не замечал.

— Потому что я знаю эту станцию лучше, чем вы, — сказал Андрей. — Потому что я знаю, где находятся уязвимые места. Потому что я знаю, как работает система, и могу сделать так, чтобы взрыв был максимально эффективным. Но я также знаю, что если вы попытаетесь взорвать станцию без моего участия, у вас ничего не получится. Вы просто взорвёте трубу, и нефть зальёт тундру. И вместо громкой акции у вас получится экологическая катастрофа, которую вы якобы пытаетесь предотвратить.

Он сказал это и замолчал. Слова повисли в воздухе, тяжёлые и холодные, как металл на морозе. Родион смотрел на него не мигая. Кирилл стоял в стороне, скрестив руки на груди, и тоже смотрел. Остальные террористы, находившиеся в холле, притихли, прислушиваясь к разговору.

— Ты знаешь, что мы собираемся сделать? — спросил Родион.

— Вы собираетесь взорвать станцию, — ответил Андрей. — Но вы не знаете, как это сделать правильно. Вы знаете только, что нужно поставить заряды в определённых точках. Но вы не знаете, что давление в системе меняется каждые несколько часов. Вы не знаете, что если поставить заряд на прямом участке, то взрыв пойдёт вдоль трубы и не даст нужного эффекта. Вы не знаете, что нужно сначала снизить давление, а потом уже ставить заряды.

Родион молчал. Он смотрел на Андрея, и в его глазах что-то менялось. Медленно, почти незаметно, но менялось. Это было недоверие, смешанное с чем-то похожим на уважение.

— Ты говоришь убедительно, — сказал он наконец. — Но слова — это просто слова. Как ты можешь доказать, что ты не врёшь?

Андрей посмотрел на стол, заваленный схемами. Среди бумаг он узнал знакомые контуры — это была схема трубопровода. Террористы нашли её в кабинете начальника участка. И теперь они пытались по ней разобраться. Но схема была старой, ещё с прошлого года, и в ней не было учтено несколько изменений, которые внесли в систему за последние месяцы.

— Дайте мне схему, — сказал Андрей.

Родион кивнул, и Кирилл подал Андрею лист. Это была та самая схема. Андрей взял её в руки и почувствовал, как к нему возвращается уверенность. Это было его поле. Это было то, что он знал лучше всего.

— Здесь ошибка, — сказал он, указывая на один из участков. — Этот участок был переделан в прошлом месяце. Здесь поставили новый обратный клапан. И здесь, — он ткнул пальцем в другой участок, — здесь давление выше, чем указано на схеме. Потому что насос номер три был заменён на более мощный. Если вы поставите заряды по этой схеме, вы не взорвёте станцию. Вы просто отключите один участок. Остальные продолжат работать.

Родион взял схему и посмотрел на неё. Потом посмотрел на Андрея. Потом снова на схему. Было видно, что он проверяет. Сопоставляет. Думает.

— Хорошо, — сказал он. — Допустим, ты говоришь правду. Что ты предлагаешь?

Андрей сделал шаг вперёд. Он чувствовал, что почва под ногами становится твёрже. Он всё ещё был пленником, он всё ещё был в опасности, но теперь он был нужен. А это меняло всё.

— Я предлагаю, чтобы вы взяли меня с собой на станцию, — сказал он. — Я покажу вам, где ставить заряды. Я покажу вам, как отключить автоматику. Я покажу вам, как создать максимальный эффект. Но взамен я хочу, чтобы вы отпустили людей.

Родион покачал головой.

— Людей я отпустить не могу. Они — наш гарант. Пока они у нас, никто не сунется сюда.

— Тогда хотя бы женщин, — сказал Андрей. — Здесь есть женщины. Повара, уборщицы. Они не представляют угрозы.

Родион задумался. Это было видно по его лицу — по тому, как он сжал челюсть, как нахмурил брови. Он думал не о том, отпускать или не отпускать. Он думал о том, как это отразится на его плане.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Женщин отпустим. Но мужчины останутся. И ты пойдёшь с нами. Если ты нас обманешь, я убью тебя первым. Потом убью остальных. Ты понял?

— Понял, — ответил Андрей.

Он сказал это спокойно, хотя внутри у него всё сжималось от холода. Он только что заключил сделку с террористами. Он пообещал им помочь взорвать станцию, которую сам же проверял двенадцать лет. Он знал, что это ложь, но он также знал, что если он не сойдёт сейчас, то все эти люди — Шест, тётя Зина, диспетчер, начальник участка — погибнут.

Он не был героем. Он был инженером. И он делал то, что должен был сделать инженер: он решал проблему. Проблема была в том, что решение требовало времени. А времени у него было мало.

— Пойдём, — сказал Родион, направляясь к выходу. — Нам нужно многое успеть до рассвета.

Андрей последовал за ним. Кирилл шёл сзади, и Андрей чувствовал его взгляд на своём затылке. Он знал, что за ним следят. Он знал, что любое неосторожное движение будет замечено. Но он также знал, что у него есть преимущество. Он знал эту станцию. А они — нет.

Они вышли на улицу. Мороз ударил в лицо, как пощёчина. Андрей на секунду зажмурился, привыкая к холоду. Пар, который он выпустил из аварийного клапана, всё ещё висел в воздухе — густое белое облако, которое не рассеивалось, а, казалось, становилось только плотнее. Ветер гнал его в сторону посёлка, и в этом облаке тонули очертания зданий, людей, машин.

— Что это? — спросил Родион, кивнув на пар.

— Утечка, — ответил Андрей, не моргнув глазом. — Один из клапанов не держит. Я заметил ещё днём, но не успел устранить.

Он соврал легко, почти не задумываясь. И это было странно. Он никогда не умел врать. Но сейчас это получалось само собой. Потому что это было не вранье ради вранья. Это была часть плана.

Они направились к воротам. У ворот всё ещё стояли двое охранников с автоматами. Они вытянулись при виде Родиона, и Андрей понял, что Родион здесь действительно старший. Это было видно по тому, как они смотрели на него. С уважением. С готовностью выполнить любой приказ.

— Открывайте, — бросил Родион, и ворота медленно поползли в стороны.

Андрей вышел за ворота и оглянулся. Посёлок остался позади — тёмный, притихший, затянутый паром. Где-то там, в столовой, сидели его товарищи. Где-то там была тётя Зина, которая всегда улыбалась. Где-то там был Шест, который полчаса назад говорил с ним по рации. Где-то там был диспетчер, который сказал ему: «Заканчивай с седьмым».

Он отвернулся и зашагал в темноту. Впереди была станция. Впереди была работа.

Они шли вдоль трубопровода. Андрей — впереди, под конвоем Кирилла, за ними — Родион и ещё двое террористов. Никто не разговаривал. Только ветер свистел в проводах, только снег скрипел под ногами, только где-то вдалеке гудели насосы, перекачивая нефть.

Андрей смотрел на трубы, которые тянулись вдоль дороги, и думал о том, что каждая из них — это артерия. По этим артериям течёт кровь земли — нефть, чёрная и густая. И если перекрыть одну артерию, система почувствует это. Если перекрыть несколько — система начнёт задыхаться. А если создать избыточное давление в одной из них, то она лопнет. И тогда всё, что было построено за годы, рухнет в одночасье.

Он знал это. И он знал, как это остановить.

Станция появилась впереди — тёмный силуэт на фоне серого неба. Она была похожа на спящего зверя: огромные резервуары, трубы, переплетённые, как вены, факелы, которые горели ровным оранжевым пламенем, освещая снег вокруг. Андрей смотрел на неё и чувствовал, как внутри поднимается что-то похожее на гордость. Он построил часть этого. Он проверил каждый шов, каждую трещину. Он знал эту станцию как свои пять пальцев.

И теперь он собирался её уничтожить. Но не так, как хотели они.

— Красиво, — сказал Родион, подходя к Андрею. — Впечатляет.

— Это только верхушка, — ответил Андрей. — Самое интересное — внутри.

Он посмотрел на Родиона и добавил:

— Вы знаете, что находится в резервуаре номер четыре?

— Нефть, — ответил Родион.

— Не только. Там смесь нефти и попутного газа. Если поставить заряд неправильно, газ воспламенится, и взрыв будет таким, что от станции ничего не останется. А если правильно — то взрыв будет направленным. Он уничтожит оборудование, но не заденет резервуары. И тогда станция просто остановится. На несколько месяцев. Может быть, на год.

Родион слушал внимательно. Он не перебивал. Он смотрел на Андрея и, казалось, взвешивал каждое слово.

— А зачем нам это? — спросил он. — Мы хотим, чтобы станция была уничтожена.

— Уничтожена — да, — ответил Андрей. — Но не стёрта с лица земли. Вы же не хотите, чтобы погибли люди. Вы не хотите, чтобы нефть залила тундру. Вы хотите, чтобы станция перестала работать. Чтобы компания понесла убытки. Чтобы экология не пострадала. Я могу сделать это. Я знаю, как.

Он говорил уверенно, хотя внутри у него всё дрожало. Он не знал, поверит ли Родион. Он не знал, сработает ли его план. Но он знал одно: пока он говорит, пока он объясняет, пока он демонстрирует свою полезность — он жив. А значит, у него есть время.

А время было его единственным союзником.

Они подошли к воротам станции. Здесь тоже стояли охранники — на этот раз двое, в чёрной одежде, с автоматами. Они пропустили Родиона без вопросов. Андрей вошёл на территорию станции и почувствовал, как всё внутри сжимается. Здесь он провёл тысячи часов. Здесь он знал каждый угол, каждый вентиль, каждый метр трубы.

И здесь он собирался устроить ад.

— Показывай, — сказал Родион.

Андрей кивнул и зашагал вперёд. Он знал, что первым делом нужно сделать — отвлечь их внимание. Создать иллюзию, что он помогает. А потом — действовать.

Он подошёл к распределительному узлу и положил руку на вентиль. Металл был холодным, как лёд. Но под пальцами Андрей чувствовал жизнь. Давление. Движение. Систему, которая ждала его команды.

— Вот здесь, — сказал он, указывая на трубу. — Здесь нужно ставить первый заряд.

Он соврал. Он знал, что здесь заряд ставить нельзя. Здесь давление было слишком высоким, и взрыв мог пойти в обратную сторону. Но он также знал, что если они поставят заряд здесь, у него будет время. Время, чтобы сделать то, что он задумал.

Родион посмотрел на трубу. Потом на Андрея. И кивнул.

— Хорошо. Кирилл, ставь.

Кирилл подошёл и начал устанавливать заряд. Андрей смотрел на это и думал о том, что через несколько минут всё начнётся. Через несколько минут он перестанет быть пленником. Через несколько минут он станет тем, кем никогда не думал стать.

Он станет охотником. Кирилл присел на корточки возле трубы и принялся возиться с зарядом. Андрей наблюдал за ним краем глаза, отмечая каждое движение. Пластичное взрывчатое вещество, похожее на серый пластилин, детонатор с проводом, небольшая коробочка с мигающим красным светодиодом — таймер. Всё это Кирилл делал быстро и уверенно, как человек, который не в первый раз держит в руках подобные вещи.

— Сколько времени ставить? — спросил Кирилл, не оборачиваясь.

Родион посмотрел на Андрея.

— Ты лучше знаешь. Сколько?

Андрей сделал вид, что задумался. На самом деле он уже давно всё рассчитал — ещё тогда, когда шёл по коридору административного корпуса, ещё тогда, когда паника только начинала подниматься из глубины живота. Он знал, что если поставить таймер на двадцать минут, то у него будет ровно двадцать минут, чтобы сделать то, что он задумал. Двадцать минут — это много. Двадцать минут — это целая жизнь.

— Тридцать минут, — сказал он. — Если меньше, мы не успеем уйти на безопасное расстояние. Если больше — можем не успеть до рассвета.

Родион кивнул.

— Ставь на тридцать.

Кирилл повернул регулятор на коробочке. Красный светодиод мигнул и начал отсчитывать время. Тридцать минут. Андрей мысленно отметил это и перевёл взгляд на станцию. Теперь ему нужно было действовать быстро, но осторожно. Одно неверное движение — и всё пропадёт.

— Что дальше? — спросил Родион.

— Дальше — второй заряд, — ответил Андрей. — Он должен быть на другом конце станции, чтобы взрыв пошёл по касательной. Если поставить оба заряда рядом, они просто сомнут трубу. Нужно, чтобы ударная волна прошла через всю систему.

Он говорил это спокойно, уверенно, как человек, который точно знает, что делает. И в этом была его сила. Террористы не знали станцию. Они не знали, как она устроена. Они видели только трубы и резервуары, а Андрей видел систему. Систему, которую он мог повернуть против них.

— Веди, — сказал Родион.

Андрей зашагал вглубь станции. Он шёл между резервуарами, мимо насосных агрегатов, мимо теплообменников, которые гудели и выбрасывали в морозный воздух облачка пара. Здесь было теплее, чем на улице, но всё равно холодно. Металл отзывался на каждый шаг глухим гулом, и этот гул отдавался в костях Андрея.

Он остановился возле узла, где сходились несколько труб. Здесь было самое высокое давление в системе. Здесь металл работал на пределе. Здесь любая ошибка могла привести к катастрофе. И Андрей знал это лучше, чем кто-либо другой.

— Вот здесь, — сказал он, указывая на фланец. — Здесь ставим второй заряд.

Кирилл снова принялся за работу. Андрей смотрел на него и краем глаза следил за остальными. Родион стоял в стороне, скрестив руки на груди. Двое охранников — те, что шли с

ними от посёлка — отошли на несколько метров и о чём-то переговаривались. Они не смотрели на Андрея. Они смотрели на станцию, на огни, на факелы, которые горели ровным пламенем.

Это был его шанс. Маленький, почти незаметный, но шанс.

Андрей сделал шаг назад, потом ещё один. Он двигался медленно, словно разминая ноги. Никто не обратил на это внимания. Кирилл был занят зарядом. Родион смотрел на Кирилла. Охранники смотрели на станцию.

Андрей сделал ещё один шаг. И ещё один. Он подошёл к небольшому распределительному щиту, который стоял у стены. На щите были манометры, датчики и задвижки. Обычное оборудование, которое никто не замечает, пока оно работает. Андрей положил руку на одну из задвижек. Металл был холодным, но под пальцами он чувствовал движение. Давление. Жизнь.

Он повернул задвижку на четверть оборота. Ничего не произошло. Пока ничего. Но он знал, что через несколько минут система почувствует это. Давление в одном из участков начнёт расти. Медленно, почти незаметно. Но оно будет расти.

— Готово, — сказал Кирилл, поднимаясь. — Второй заряд на месте.

Андрей убрал руку с задвижки и повернулся. Лицо у него было спокойным, хотя сердце колотилось где-то в горле.

— Хорошо, — сказал он. — Теперь третий. Он должен быть в насосной.

Он направился к насосной станции. Это было большое здание с высокими потолками, внутри которого стояли насосные агрегаты. Андрей знал здесь каждый угол. Знал, где находятся аварийные клапаны, знал, где проходит система пожаротушения, знал, где можно создать избыточное давление, а где — нет.

Он вошёл в насосную и остановился. Здесь было шумно. Насосы работали, гнали нефть по трубам, и от этого шума закладывало уши. Но Андрей привык к этому шуму. Он слышал его каждый день. И сейчас он использовал этот шум как прикрытие.

— Здесь, — сказал он, указывая на основание одного из насосов. — Ставьте под ним. Тогда ударная волна пойдёт вверх и разрушит перекрытия.

Это была ложь. Если поставить заряд здесь, взрыв уничтожит насос, но не перекрытия. Он просто отключит один агрегат, и система продолжит работать на остальных. Но Андрей знал, что террористы этого не поймут. Они не знают, как устроена насосная. Они просто верят ему.

Кирилл снова принялся за работу. И снова Андрей отошёл в сторону. На этот раз он подошёл к панели управления. Здесь были кнопки, тумблеры, датчики. Обычная панель, которая управляла насосами. Андрей знал, что если нажать определённую комбинацию, можно отключить один из агрегатов. Или изменить режим работы системы. Или создать скачок давления.

Он нажал три кнопки. На панели мигнул зелёный индикатор. Где-то в глубине системы что-то изменилось. Давление в одном из участков поднялось ещё немного. Андрей посмотрел на манометр и удовлетворённо отметил, что стрелка сдвинулась вправо.

— Готово, — сказал Кирилл.

— Хорошо, — ответил Андрей. — Осталось два заряда. Один — на выходе из станции. Второй — в диспетчерской.

Он вышел из насосной и зашагал к выходу. Теперь ему нужно было время. Ещё немного времени. Ещё несколько минут, чтобы система вышла из равновесия.

Они подошли к выходу из станции. Здесь труба выходила наружу и уходила на юг, к нефтеперегонному заводу. Андрей остановился возле вентиля и положил на него руку. Этот вентиль он знал особенно хорошо. Именно его он проверял в первую неделю своей вахты. Именно на этом участке он нашёл небольшой дефект, который должен был устранить на следующей неделе.

— Здесь, — сказал он. — Здесь ставим четвёртый заряд.

Кирилл подошёл и начал устанавливать взрывчатку. Андрей смотрел на него и краем глаза следил за манометром, который был вмонтирован в трубу чуть выше. Стрелка дрожала. Давление росло. Медленно, но росло.

— Родион, — сказал Андрей, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — У нас проблема. Родион подошёл.

— Какая?

— Давление, — ответил Андрей, указывая на манометр. — Оно растёт. Я думаю, где-то утечка. Если мы не устраним её, взрыв может пойти не туда.

Родион посмотрел на манометр. Стрелка действительно сдвинулась вправо. Он нахмурился.

— Что нужно сделать?

— Нужно перекрыть один из вентилях, — сказал Андрей. — Вон тот, — он указал на задвижку в десяти метрах от них. — Если перекрыть его, давление стабилизируется.

Родион кивнул одному из охранников.

— Перекрой.

Охранник направился к задвижке. Андрей смотрел на него и чувствовал, как внутри всё сжимается. Если охранник перекроет задвижку, давление действительно стабилизируется. Но это также отключит один из участков, и его план рухнет.

Он должен был действовать. Сейчас.

Охранник подошёл к задвижке и положил на неё руку. Андрей сделал шаг вперёд. Кирилл всё ещё возился с зарядом, стоя на коленях возле трубы. Родион смотрел на охранника. Второй охранник стоял в стороне и смотрел на станцию.

Андрей наклонился и схватил кусок металлической трубы, который лежал у стены. Это был обрезок, который кто-то оставил после ремонта. Тяжёлый, холодный. Андрей сжал его в руке и, не раздумывая, ударил Кирилла по голове.

Удар получился глухим. Кирилл рухнул на бок, не успев даже вскрикнуть. Заряд выпал из его рук и покатился по бетонному полу. Красный светодиод на коробочке мигнул и погас.

Родион обернулся. Его глаза расширились. Он потянулся к кобуре, но Андрей уже был рядом. Он ударил Родиона трубой в грудь. Родион отшатнулся, но не упал. Он был крепче, чем Кирилл. Он выхватил пистолет и направил его на Андрея.

— Стой! — крикнул он.

Андрей не остановился. Он бросился вперёд, схватил Родиона за руку и толкнул его на трубу. Пистолет выстрелил, и пуля ушла в потолок, выбив искры из бетона. Родион ударился спиной о металл и выронил оружие. Андрей ударил его трубой ещё раз. И ещё раз. Родион обмяк и сполз на пол.

Охранник у задвижки обернулся. Он поднял автомат, но Андрей уже бежал. Он бежал не к выходу, а внутрь станции. Вглубь. Туда, где было темно. Туда, где были трубы. Туда, где он мог спрятаться.

Пули просвистели у него над головой. Одна ударила в трубу рядом с ним, выбив сноп искр. Андрей пригнулся и нырнул за резервуар. Он слышал крики, топот ног. Террористы бежали за ним.

Он прижался спиной к холодной стенке резервуара и попытался отдышаться. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот вырвется из груди. В голове шумело. Но он знал, что нужно делать. Он знал это лучше, чем что-либо другое.

Он поднялся и побежал дальше. Он знал здесь каждый поворот. Он знал, где находятся укрытия. Он знал, где можно спрятаться. Он знал, где можно создать ловушку.

Он добежал до распределительного узла и остановился. Здесь сходились несколько труб. Здесь было высокое давление. И здесь был аварийный клапан, который он искал.

Андрей схватил рычаг и повернул его. Клапан открылся с оглушительным шипением. Пар вырвался наружу, заполняя пространство белым облаком. Температура вокруг мгновенно поднялась. Андрей отскочил в сторону, и вовремя — струя пара ударила в то место, где он стоял секунду назад.

Он побежал дальше. Пар заполнял станцию, скрывая его. Террористы кричали, но их голоса тонули в шипении. Андрей знал, что у него есть несколько минут, пока пар не рассеется. Несколько минут, чтобы сделать то, что он задумал.

Он добежал до диспетчерской. Это было небольшое здание в центре станции. Здесь находился главный пульт управления. Здесь можно было отключить всю систему. Здесь можно было остановить станцию.

Андрей вбежал в диспетчерскую и захлопнул за собой дверь. Внутри было тепло и тихо. На пульте мигали огоньки, гудели приборы. Андрей подошёл к пульту и положил руки на клавиатуру. Он знал эту систему. Он знал, как её отключить.

Он нажал несколько кнопок. На экране появилось предупреждение. Он подтвердил. Потом ещё раз. Потом ещё.

Где-то в глубине станции что-то загудело. Насосы начали останавливаться. Давление в трубах начало падать. Система отключалась. Медленно, но верно.

Андрей смотрел на экран и чувствовал, как внутри поднимается что-то похожее на облегчение. Он сделал это. Он остановил станцию. Теперь взрыва не будет. Теперь никто не погибнет.

Но он знал, что это ещё не конец. Террористы всё ещё были здесь. Они всё ещё искали его. И они всё ещё были вооружены.

Он выглянул в окно. Пар рассеивался. Он видел, как по территории станции бегают люди в чёрной одежде. Они искали его. Они были злы. Они были опасны.

Андрей отступил от окна и посмотрел на пульт. Здесь было ещё одно, что он мог сделать. Он мог создать гидроудар. Резкое изменение давления, которое разрушит трубы. Это было опасно. Это могло убить его самого. Но это также могло остановить террористов.

Он нажал ещё несколько кнопок. На экране появилось новое предупреждение. Он подтвердил. Система начала готовиться к сбросу давления. Андрей знал, что у него есть около минуты, чтобы уйти.

Он выбежал из диспетчерской и побежал к выходу. Он знал, что гидроудар произойдёт через минуту. Он знал, что нужно успеть уйти. Он бежал по территории станции, мимо резервуаров, мимо насосных, мимо труб. Он бежал, не оглядываясь.

За его спиной раздался грохот. Труба, которая шла от станции на юг, лопнула. Из неё ударил фонтан нефти, чёрный и густой. Давление упало. Система остановилась.

Андрей упал на снег и закрыл голову руками. Он слышал крики, топот, выстрелы. Но всё это было где-то далеко. Он сделал то, что должен был сделать. Он остановил станцию. Он спас людей.

Теперь оставалось только выжить.

Он поднялся и побежал дальше. Впереди была темнота. Впереди был Север. Впереди была жизнь.

Глава 3. В тени труб

Андрей бежал. Он не знал, куда бежит, не знал, сколько времени прошло с того момента, как он выбежал из диспетчерской, не знал, живы ли ещё те, кто остался в посёлке. Он просто бежал, потому что остановиться означало умереть. Ноги вязли в снегу, лёгкие горели, морозный воздух резал горло, как битое стекло. За спиной, где-то далеко, всё ещё грохотало — труба, которую он разорвал гидроударом, выбрасывала в небо чёрный фонтан нефти, и этот фонтан, смешиваясь со снегом, падал на землю тяжёлыми, липкими хлопьями.

Он бежал вдоль трубопровода, пригибаясь, используя каждую опору как укрытие. Он знал, что террористы будут искать его. Он знал, что они не простят ему ни Кирилла, ни Родиона, ни разрушенной станции. Но он также знал, что у него есть преимущество. Он знал эту землю. Он знал, где можно спрятаться, где можно переждать, где можно найти укрытие. А они — нет.

Он добежал до поворота, где трубопровод уходил в сторону от основной трассы, и остановился. Сердце колотилось так, что казалось, вот-вот разорвёт грудную клетку. Он прижался спиной к металлической опоре и попытался отдышаться. В боку кололо, во рту был вкус крови, руки дрожали. Он посмотрел на свои ладони — они были в ссадинах и порезах. Когда он успел их заработать, он не помнил. Возможно, когда падал на снег возле станции. Возможно, когда бил Родиона трубой. Возможно, когда бежал, задевая за острые края металла.

Он поднял голову и посмотрел в сторону станции. Отсюда, с расстояния в несколько сотен метров, она выглядела как раненый зверь. Факелы всё ещё горели, но их пламя было неровным, дёрганым, словно станция задыхалась. Из трубы, которую он разорвал, всё ещё бил фонтан нефти, и ветер относил его в сторону, покрывая снег чёрными пятнами. Где-то были сирены. Где-то кричали люди. Но всё это было далеко. Пока далеко.

Андрей закрыл глаза и заставил себя думать. Паника — это роскошь, которую он не мог себе позволить. Он должен был решить, что делать дальше. В посёлке остались люди. Шест, тётя Зина, диспетчер, начальник участка. Все они были там, за воротами, которые теперь охраняли вооружённые люди. И он был единственным, кто мог им помочь.

Он открыл глаза и посмотрел на трубопровод. Трубы тянулись вдоль дороги, уходили в темноту, терялись в снежной мгле. Он знал каждую из них. Знал, куда они ведут, знал, что по ним течёт. И он знал, что среди этого лабиринта есть места, которые террористы не смогут найти. Места, где можно спрятаться. Места, где можно подготовиться.

Он оттолкнулся от опоры и зашагал вперёд. Не бегом, а быстрым, размеренным шагом. Бежать больше не было сил. Да и не нужно было. Он знал, что погоня не начнётся сразу. Террористам нужно было разобраться с тем, что он натворил. Им нужно было понять, что произошло. Им нужно было решить, что делать с разрушенной станцией. Это давало ему время. Немного времени.

Он шёл вдоль трубы, и в голове одна за другой проносились мысли. Он думал о том, что ему нужно попасть в посёлок. Но просто прийти туда он не мог. Его схватят. Его убьют. Ему нужно было проникнуть внутрь незаметно. А для этого нужно было знать, где находятся террористы. Сколько их. Где они держат заложников. Как они патрулируют территорию.

Он вспомнил, что в посёлке есть технический туннель, который ведёт от вспомогательного узла к подвалу административного корпуса. Он уже использовал его сегодня. Но тогда он вошёл через лаз, который был открыт. Сейчас лаз, скорее всего, закрыт. Или охраняется. Но был ещё один путь. Ещё один туннель, о котором знали немногие. Он вёл от старой насосной станции, которая уже лет пять не использовалась, к подвалу столовой. Этот туннель был заброшен, но он был. И Андрей знал, где находится вход в него.

Он свернул с основной трассы и направился к старой насосной. Это было небольшое здание, сложенное из бетонных блоков, с плоской крышей и забитыми окнами. Оно стояло в стороне от основных коммуникаций, и его редко кто посещал. Андрей знал его потому, что когда-то проверял здесь трубы. Давно, ещё в первую свою вахту. Тогда он нашёл в подвале старый туннель и запомнил его на случай, если придётся когда-нибудь прятаться.

Он подошёл к зданию и остановился. Дверь была заперта, но замок был старый, ржавый. Андрей толкнул дверь плечом, и она поддалась с третьего раза. Внутри было темно и холодно. Пахло сыростью и машинным маслом. Андрей включил фонарь на каске и посветил вокруг. Всё было так, как он помнил. Бетонные стены, ржавые трубы, старые насосы, покрытые слоем пыли. И в дальнем углу — люк в полу.

Он подошёл к люку и присел на корточки. Крышка была тяжёлой, но он знал, как её открыть. Он нажал на скрытый рычаг, и крышка со скрежетом поднялась. Внизу была темнота. Андрей посветил фонарём и увидел узкий коридор, уходящий вглубь земли. Он опустился на колени и полез вниз.

Туннель был узким. Местами приходилось идти согнувшись, а местами — почти ползти. Стены были покрыты плесенью, под ногами хлюпала вода. Но Андрей шёл. Он знал, куда идёт. Он знал, что через двести метров будет поворот, а ещё через сто — дверь в подвал столовой. Он знал, что эта дверь всегда была незаперта, потому что через неё когда-то доставляли продукты.

Он шёл медленно, стараясь не шуметь. Он слышал, как где-то наверху, на поверхности, гудит ветер, как скрипят трубы, как капает вода. Но здесь, под землёй, было тихо. Тихо и темно. И в этой темноте Андрей чувствовал себя увереннее, чем на поверхности. Здесь он был один. Здесь никто не мог его найти.

Он добрался до поворота и остановился. Прислушался. Где-то впереди слышались голоса. Приглушённые, но различимые. Андрей погасил фонарь и осторожно двинулся вперёд. Через несколько метров он увидел дверь. Из-под неё пробивалась полоска света. Голоса стали громче.

Андрей подошёл к двери и прижался к ней ухом. Он услышал, как кто-то говорит. Голос был женский. Тётя Зина. Она что-то говорила, но слов было не разобрать. Потом раздался мужской голос. Резкий, командный. Террорист. Он что-то приказал. Тётя Зина ответила. Потом снова террорист. Потом тишина.

Андрей отпрянул от двери и задумался. В столовой были люди. Заложники. И террористы. Сколько их там? Он не знал. Но он знал, что должен войти. Он должен был что-то сделать.

Он посмотрел на дверь. Она была деревянной, старой, но крепкой. Андрей толкнул её. Она не поддалась. Он толкнул сильнее. Дверь скрипнула, но не открылась. Заперто. Но Андрей знал, что замок здесь слабый. Он нажал на дверь плечом. Раз. Два. Три. Дверь поддалась с треском, и Андрей ввалился в подвал.

В подвале было светло. Горели лампы под потолком. Вдоль стен стояли ящики, коробки, мешки с мукой. В дальнем углу была лестница, которая вела наверх, в столовую. Андрей поднялся на ноги и прислушался. Голоса доносились сверху. Он осторожно подошёл к лестнице и заглянул вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.